
**ДИСКУРСОЛОГИЯ, ПРАГМАЛИНГВИСТИКА,
СТИЛИСТИКА, РИТОРИКА**
**DISCOURSEOLOGY, PRAGMALINGUISTICS,
STYLISTICS, RHETORIC**

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 39–48.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(8(490)):39-48.

Научная статья

УДК 81'22

doi: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-39-48

ДИСКУРС КАК РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ СУБСТРАТ ТЕКСТА

Николай Федорович Алефиренко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия,
alefirenko@bsu.edu.ru, 0000-0002-4083-4486

Аннотация. Эксплицируется имплицитный онтологический статус дискурса. Согласно авторской интерпретации, он не является исключительно языковым, речевым или жанровым, поскольку находится в речемыслеительном регистре коммуниканта. Кратко рассматриваются его основные метаморфозы от средневекового учения П. Абеляра до нашего времени, ведущие к пониманию дискурса как скрытой речемыслеительной категории. Аргументами такого подхода служат мыслекодовые акты, дискурсивная матрица и внутренняя речь, опирающаяся на ментальный лексикон и внутренние слова, которые обеспечивают текстопорождающий потенциал дискурса. Для понимания данных феноменов текстопорождения понятия «вербальная память» и «внутреннее слово» интерпретируются с точки зрения когнитивной лингвопоэтики. Обосновывается тезис о том, что в живой дискурсии ментальное слово коррелирует со свойствами и признаками реалий коммуникативного события. Когда корреляции ментального слова и денотата коммуникантом установлены, в кратковременной памяти актуализируются внутренние слова, доступные для мысленного моделирования соответствующего коммуникативного события и подбора нужного для реализации замысла звукового образа того, что рождается в недрах души автора. Утверждается, что сам процесс реализации авторского замысла, называемый «муками слова», представляет собой трудности выбора внутреннего словесного знака из того, что есть в долговременной семиотической памяти для наиболее меткой, точной и выразительной экспликации мыслей и переживаемых эмоций автора. В конечном итоге, текстопорождение осуществляется посредством внутреннего программирования, в ходе которого переживание воспринимаемого коммуникативного события порождает в ментальном лексиконе его ономаσιологические импульсы, которые с помощью семантических падежей переводят смысловое сочетание внутренних слов в линейные схемы порождаемых высказываний.

Ключевые слова: дискурс, речемышление, дискурсивная матрица, внутренняя речь, ментальный лексикон, внутреннее слово, текст

Для цитирования: Алефиренко Н. Ф. Дискурс как речемыслеительный субстрат текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 39–48. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-39-48.

Original article

DISCOURSE AS A SPEECH SUBSTRATE OF A TEXT

Nikolay F. Alefirenko

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, alefirenko@bsu.edu.ru, 0000-0002-4083-4486

Abstract. The implicit ontological status of the discourse is made explicit. According to the author's interpretation, it is not exclusively linguistic, speech or genre, since it is in the speech-thought register of the communicant. Its main metamorphoses from the medieval teachings of P. Abelard to our time, leading to the understanding of discourse

as a hidden speech-thought category, are briefly examined. The arguments for this approach are mental code acts, a discursive matrix and internal speech, based on the mental lexicon and internal words that provide the text-generating potential of discourse. To understand these phenomena of text generation, the concepts of “verbal memory” and “inner word” are interpreted from the point of view of cognitive linguistics. The thesis is substantiated that in living discourse the mental word correlates with the properties and signs of the realities of a communicative event. When the correlations of the mental word and denotation are established by the communicant, internal words are updated in short-term memory, available for mental modeling of the corresponding communicative event and the selection of the sound image of what is born in the depths of the author’s soul necessary for the implementation of the plan. The very process of realizing the author’s plan, called the “torment of the word,” represents the difficulty of choosing an internal verbal sign from what is in long-term semiotic memory for the most accurate, accurate and expressive explication of the author’s thoughts and experienced emotions. Ultimately, text generation is carried out through internal programming, during which the experience of a perceived communicative event generates its onomasiological impulses in the mental lexicon, which, with the help of semantic cases, translate the semantic combination of internal words into linear patterns of generated utterances.

Keywords: discourse, speech thinking, discursive matrix, inner speech, mental lexicon, inner word, text

For citation: Alefirenko NF. Discourse as a speech substrate of a text. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(8(490):39-48. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-39-48.

Постановка проблемы

Феномен дискурса претерпел достаточно много перипетий, которые можно назвать метаморфозами. В целом метаморфозами называют обобщённые философские представления о процессах, происходящих во Вселенной. Поистине вселенской является и трудноуловимая связь мысли и слова, которая, оставаясь непостижимой, всё же удерживает на себе внимание интеллектуалов на протяжении нескольких эпох. Особенно успешной была попытка философа средних веков Пьера Абеляра (1079–1142 гг.), пытавшегося преодолеть односторонние постулаты номинализма и реализма. Мыслитель предложил промежуточную парадигму в теории дискурсии — загадочного свойства человека переводить мыслительные конструкты в речь. В недрах этой парадигмы возникла идея интерпретировать сам мыслительный конструкт как некий созидательный смысл, или концепт, который обрёл статус центростремительного компонента дискурса. С того времени представления о дискурсе неоднократно менялись. Поэтому к дискурсу приложимо известное изречение: новое — хорошо забытое старое.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил Национальный корпус русского языка. Приёмы исследования ретроспективного дискурс-анализа текста применяются в рамках авторского когнитивно-герменевтического и когнитивно-лингвистического методов [1, с. 37; 2], включающего в себя интерпретацию внешнего (экзистенционального) и внутреннего контекстов речевого произведения с целью выявления дискурсивного субстрата текста. Используются описательный и лингвокультурологический анализы, позволяющие рассматривать ментально-культурный феномен. Данная методологическая идея соотносима с тезисом М. Халлидея: являясь конструктом реальности, дискурс и текст взаимозависимы [27]. Конечной целью анализа является понимание роли дискурсивной матрицы во фреймовой организации текстопорождающей цепочки: от ментальных слов, соотносимых с концептами, и внутренней речи — к языковым образам.

турологический анализы, позволяющие рассматривать ментально-культурный феномен. Данная методологическая идея соотносима с тезисом М. Халлидея: являясь конструктом реальности, дискурс и текст взаимозависимы [27]. Конечной целью анализа является понимание роли дискурсивной матрицы во фреймовой организации текстопорождающей цепочки: от ментальных слов, соотносимых с концептами, и внутренней речи — к языковым образам.

Результаты исследования и их обсуждение

Онтологические метаморфозы дискурса

Сложившееся смысловое разнообразие понятия «дискурс», разумеется, не может не оказывать отрицательного воздействия на анализ дискурса речевых произведений. В этой связи как никогда актуально замечание Р. А. Будагова: «Если сознательно не заниматься терминами, учёные, в конце концов, перестанут понимать друг друга» [6, с. 124]. Особо насущным данное предостережение остаётся относительно терминологии дискурса как трудно постижимого явления, вызвавшего вполне оправданные опасения Уоллеса Чейфа. Причиной тому считаем, как минимум, являются два фактора.

С одной стороны, истолкование дискурса изначально связано с французской языковой практикой обозначать этим словом просто речь или текст. С другой стороны, за понятием «дискурс» усматривается устойчивый социолингвистический фон. Размышляя над речевой и социальной историей дискурса, Уоллес Чейф писал: «Достаточно очевидна ограниченность любых попыток сводить дискурс к одному или двум измерениям...» [26, с. 49]. Однако это всё же

не отрицает того, что эти оба измерения дискурсу действительно присущи. Даже подсознательно ощущается весьма филигранная связь дискурса с текстом. Согласно нашим представлениям, если **текст** — это связанная, внутренне организованная и относительно завершённая речь (звучащая или письменная), то **дискурс** является его ментальным коррелятом. Вместе с тем, неосознаваемые деривационные скрепы этой связи на уровне и обыденного, и научного сознания остаются скрытыми. Это породило идею относить дискурс к так называемым скрытым категориям. Высказанная ещё В. фон Гумбольдтом, она была реализована в концепции «скрытой грамматики» С. Д. Кацнельсона [10, с. 82]. Для понимания сущности дискурса как предполагаемого скрытого текстообразующего механизма важным представляется следующее суждение учёного: «Если скрытые категории, как иногда говорят, «угадываются из контекста», то только потому, что в контексте содержатся **достаточно чёткие и недвусмысленные указания** на этот счёт. Не лексические значения и синтаксические связи сами по себе, а **грамматически оформленные** и сочетающиеся в предложении словесные знаки являются выразителями скрытых категорий» [10, с. 83] [выделено мною. — Прим. авт.]. «Скрытые категории», не имеющие самостоятельного вербального выражения, являются, по утверждению С. Д. Кацнельсона, весьма значимым ментальным предречевым субстратом [10, с. 78]. Такой подход к дискурсу служит основанием рассматривать его в качестве механизма приведения в действие мыслекодовых актов, проецирующих когезию по-

рождаемого коммуникантами текста. Представленные выше суждения не позволяют сводить дискурс к одному или двум измерениям (языковому / речевому или невербальному). Оно ограничивает понимание его глубинной сущности, которая, как нам представляется, порождается синергией языковых и внеязыковых факторов [1].

Во-первых, дискурс является отображением взаимодействия коммуникантов в реальных ситуациях общения [20]. Во-вторых, дискурс — социально-смысловой конструкт коммуникативно значимого события [21]. В-третьих, дискурс обеспечивает коммуникативно-когнитивную когезию порождаемого в процессе речевой деятельности контекста [22; 24; 25]. Данное триединство раскрывает смысл полюбившегося ныне метафорического (и поэтому сложно уясняемого) определения: «дискурс — это погружённый в жизнь текст» [3, с. 136–137]. «Погружённый в жизнь текст» — это речевое произведение, интерпретирующее то событие, которое приковало внимание автора, вызвало в нём те или иные переживания и побудило его к вербальной коммуникации [14; 15; 16].

Осмысление ставшей крылатой фразы «дискурс — это погружённый в жизнь текст» возможно через интерпретацию дискурсивных способов, с помощью которых осуществляется репрезентация коммуникативно значимого события [19; 23].

Во-первых, выявление способов и средств объективации (представления) событий должно опираться на механизмы дискурсии. Прежде всего, дискурс следует рассматривать как механизм интериоризации (лат. *interior* — «внутренний»).

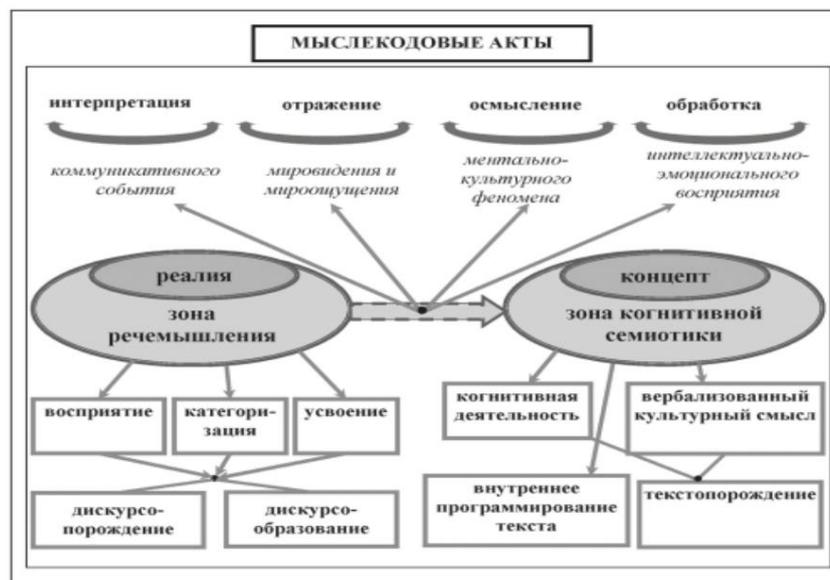

Рис. 1. Мыслекодовые акты
Fig. 1. Thought code acts

Его предназначение служить каналом перевода внешних структур дискурсивной ситуации во внутренние структуры языковой семантики.

Вторым способом, стимулирующим к текстопорождающим интенциям, являются переживаемые образы коммуникативно значимого события. Облачение ментального образа в конструкт языкового сознания, содержание которого отображает соответствующий фрагмент действительности, служит таким значимым моментом в реализации авторских интенций. Языковое сознание ищет соответствующий данному конструкту словесный образ. В этом поиске ментальный образ оказывается также связанным с языковым подсознанием и сверхсознанием. *Подсознание* содержит стереотипы, «хорошо автоматизированные и потому переставшие осознаваться навыки и вытесненные из сферы сознания мотивационные конфликты», а также «глубоко усвоенные субъектом социальные нормы», зафиксированные в семантике слов. Однако если подсознание использует ранее зафиксированные словами представления, то *сверхсознание* опирается не на слова, а на образы, что позволяет автору текста воображать, мечтать и сочинять. Благодаря этому сверхсознание как структурный элемент языкового сознания стимулирует эмоциональную активность коммуниканта на первых этапах креативного текстопорождения, порождая *догадки, замыслы и озарения*, необходимые для внутреннего программирования дискурсивной модели текста. В таком акустико-смысловом сопряжении ментальный образ предопределяет функционально-стилистическую доминанту дискурсивной матрицы производимого текста.

Дискурсивная матрица текста

Доминирующим смысловым элементом дискурсивной матрицы является «стереотип». В теории порождения текста термины *дискурс* и *матрица* подвергаются особой адаптации. В отличие от значения слова *образец*, в семантике лексемы *матрица* доминируют свойства и признаки, унаследованные от порождаемых речемыслительных стимулов. Вначале матрица представляет в структуре дискурса элементы коммуникативного события, сохраняя основные предметные смыслы или подвергая их переосмыслению, затем индуцирует новые нюансы и смысловые акценты в образном восприятии соответствующего события. У коммуникантов из собственного опыта уже имеются смысловые матрицы для отображения событий во внутренней речи.

Причём матрица, в отличие от стереотипа, ведёт себя активно, стремится не только направлять языковое сознание, но и управлять им, преобразуя его в дискурсивное сознание [7; 8; 9; 12]. Следовательно, дискурсивная матрица — это не только смысловой каркас, но и зерно, из которого произрастает механизм программирования текста.

Дискурсивная матрица, как явствует из её предназначения в речемыслительной деятельности, является абстрактной (ментальной) структурой, нуждающейся в вербальной репрезентации. В этом плане целесообразно вспомнить М. Халлидея, высказавшего мысль, что дискурс, будучи конструктом реальности, коррелирует с текстом [27, с. 170]. Эта корреляция напоминает то, как предложение (абстрактная синтаксическая конструкция) соотносится с высказыванием (её словесным воплощением). Иными словами, дискурс по отношению к тексту является в некотором роде когнитивной моделью, в которой структурно-семантические позиции в виде смутных, порой сложно неуловимых образов «оживают» в конкретных текстах.

Понимание дискурса как «единицы языка» разделяется многими авторами, что привело к различного рода парадоксальным дефинициям. Так, Л. С. Цветкова [18], вслед за Т. В. Ахутиной [17] продолжает утверждать, что дискурс есть специфическая единица языка высшего уровня, которая, однако, не воспроизводится, но конструируется / создается в процессах коммуникации. Однако гипотеза о том, что дискурс — единица языка, требует дополнительных размышлений. Исследователи, поддерживающие такое понимание дискурса, подвержены магнетизму крылатого определения Ю. С. Степанова: «Дискурс — это “язык в языке”» [13, с. 44]. Однако учёный понимает его в «особой социальной данности». Он не располагает «своей “грамматикой” и своим “лексиконом”, как естественный язык. К тому же он существует в текстах, таких речевых построениях, которыми управляет «особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счёте — особый мир» [13, с. 45]. Поэтому «каждый дискурс — это один из “возможных миров”» [13, с. 45]. В целом дискурсивное отражение коммуникативно значимого события является основополагающим ярусом речемыслительной деятельности, поскольку интегрирует в своей структуре продукты мировосприятия, внешние и внутренние факторы порождения

текста. Только лишь на том основании, что дискурс не воспроизводится, называть его единицей языка — логический нонсенс, так как такое суждение методологически противоречит основной лингвистической аксиоме: будучи абстрактными сущностями, языковые единицы реализуют себя в материальных единицах речи, образующихся в конкретных актах коммуникации комбинированием языковых знаков и способных входить в состав текста. Из этого следует, что дискурс не является ни единицей языка, ни единицей речи. Это речемыслительная категория, служащая в коммуникативном акте моделью порождения текста

При таком двухплановом осмыслении дискурса необходимо, выражаясь словами В. П. Зинченко, «выйти за пределы мышления в мир деятельности и действия, в мир образов, в мир аффектов и, конечно, в мир слова. Это необходимо, потому что действие, образ, слово, чувство становятся языками мышления» [14, с. 96]. Дело в том, что данные языки мышления разные по сути своей: «слово содержит в своей внутренней форме образ и действие, действие — образ и слово, а образ — действие и слово» [14, с. 102]. В такой многогранности этих средств и заключается текстопорождающая энергия внутренней речи.

Внутренняя речь: ментальное и внутреннее слово

Истоки текстопорождения и механизмы его внутреннего программирования следует искать в вербальной памяти коммуниканта, в которой хранятся ментальный лексикон и внутренние слова. Ментальный, он же внутренний, лексикон (англ. *mental lexicon*) хранится в долговременной вербальной памяти, где в языковом сознании человека зафиксированы и системно упорядочены все образы слов данного языка. Ментальный лексикон представляет собой гигантскую сеть, в которой слова связаны между собой по смыслу и звучанию. В живой дискурсии ментальное слово коррелирует со свойствами и признаками реальных коммуникативного события. Его смысловое наполнение есть нечто устоявшееся, устойчивое. Когда корреляции ментального слова и денотата коммуникантом установлены, в кратковременной памяти актуализируются внутренние слова, доступные для мысленного моделирования соответствующего коммуникативного события и подбора нужного для реализации замысла звукового образа того, что рождается в недрах души автора. Сам процесс такого подбора носит мучительный характер. Его обычно называют «муками слова»,

или муками творчества. «Муки слова» представляют собой трудности выбора внутреннего словесного знака из того, что есть в долговременной семиотической памяти для наиболее меткой, точной и выразительной экспликации переполняемых мыслей и переживаемых эмоций, для идеального соответствия внутреннего слова первоначальному замыслу автора. Реально известным результатом таких мук является сожжение Н. В. Гоголем второго тома «Мертвых душ». Без этих мучений, вероятно, невозможно представить вдохновенного текстопорождения художественного шедевра.

*Нет мук страшнее муки слова,
Когда не можешь написать.
Ведь мысли чувств любых основа.
Их нужно как-то изливать.
Когда терзаешься в сомненьях,
Когда кружится голова,
Когда охватит вдохновенье,
Но не идут на ум слова».*

В. Чекрыжев,

«Нет мук страшнее муки слова»

Для понимания этого этапа текстопорождения необходимо уточнить понятия «вербальная память» и «внутреннее слово» с точки зрения когнитивной лингвопоэтики. В первом понятии сосредоточена проблема взаимоотношения памяти и языка. О. Г. Ревзина в статье «Память и язык» дала социокультурное её истолкование. «...Человеческий язык — это хранилище знаний о мире, которые человек удерживает в памяти и которые формируют его картину мира» [11, с. 12]. Если (а) вербальная память не находит соответствующих языковых образов, (б) внутреннее программирование текста стимулируют порождение окказиональных (индивидуально-авторских) знаков. В том случае, если первые две акции («а» и «б») оказываются недостаточными, внутренняя программа текстопорождения пытается выразить смысл коммуникативного события комбинаторным сочетанием внутренних слов. При этом коммуникант извлекает из вербальной памяти тот набор слов, который обусловлен экстралингвистической ситуацией и коммуникативным намерением.

Второе понятие, лежащее в основе дискурсивного порождения текста, — «внутреннее слово» — живая клеточка речевого мышления. Как единица ментального лексикона, оно является дериватом всего прежнего опыта речемыслительной деятельности человека. И в этом статусе ментальное слово служит основным конструктивным

средством внутренней речи. Ментальное слово — на уровне когнитивного сознания является статичным; актуализируется во внутренней речи, которая динамична по своей природе в том смысле, что, не будучи коммуникативным средством, выполняет психологические функции, порождая саму мысль, подготавливает её к речевому общению путём программирования высказываний, выстраивая единицы ментального лексикона в некие пока скрытые речемыслительные схемы. Будучи производной от внешней речи, она сочетает в себе коммуникативные и когнитивные способности коммуникантов. И в этом плане служит своего рода триггером (от англ. *trigger* — ‘спусковой крючок’, запускающий выстрел), т. е. стимул, синергично запускающий у коммуниканта когнитивные и коммуникативные действия (рис. 2).

Представленные выше суждения не позволяют сводить дискурс к одному или двум измерениям (языковому / речевому или невербальному). Оно ограничивает понимание его глубинной сущности, которая, как нам представляется, порождается синергией языковых и внеязыковых факторов [1]. Во-первых, дискурс является отображением взаимодействия коммуникантов в реальных ситуациях общения [20]. Во-вторых, дискурс — социально-смысловой конструкт коммуникативно значимого события [21]. В-третьих, дискурс обеспечивает коммуникативно-когнитивную когезию порождаемого в процессе речевой деятельности контекста [22; 24; 25]. Данное триединство раскрывает смысл полюбившегося ныне метафорического (и поэтому таинственного) определения: «дискурс — это погруженный в жизнь текст» [3, с. 136–137]. «Погруженный в жизнь текст» — это речевое произведение, интерпретирующее то событие, которое приковало внимание автора, вызвало в нём те или иные переживания и побудило его к внутреннему программированию, переводу ментального слова в вербализованный знак.

Кстати, в сложные перипетии осмысления глубинной структуры мыслительных актов, предшествующих порождению речевых произведений, пытались проникнуть ещё в средние века. Так, член ордена иезуитов («Общества Иисуса»), профессор Университета Саламанки в Испании Луис де Лосада (1681–1748 гг.), под ментальным словом подразумевал концепт как порождение «умной души» [Losada Luis de, 1724 (оцифровано 2009)], как интенциональный продукт личностного мышления. И в этом смысле ментальное слово — единица когнитивного сознания. С другой стороны, с точки зрения внутреннего продуцирования оно является продуктом внутренней речи, поскольку проистекает из индивидуальной речемыслительной деятельности. И в этом смысле ментальное слово служит элементом речевого сознания, такой психической деятельности, которая: а) порождает мысль, б) вербализует продукты мышления и в) служит средством их осмысленного восприятия в соответствии с тем или иным речевым контекстом. Как психическая деятельность речевое сознание отличается от языкового и когнитивного.

Ментальные слова соотносимы с концептами, поскольку порождаются двуединым (интеллектуально-эмоциональным) восприятием конструктивных объектов коммуникативного события. Их ещё называют подобием и образом тех предметов, на которые направлена познавательная деятельность. Ментальные слова выполняют функцию репрезентации воспринимаемых объектов речевому сознанию. Они являются результатом членения целостного образа коммуникативного события с последующим его структурированием в виде фрейма. Данное положение соотносимо со следующим, по сути, протодискурсивным суждением М. М. Бахтина: «Когда мы строим свою речь, нам всегда предносится целое нашего высказывания: и в форме определённой жанровой

Внутренняя речь	Внутреннее программирование
Глубинная смысловая структура	Поверхностная смысловая структура
Ментальное слово	Внутреннее слово
Мысль	Внешнее слово
ДИСКУРС	ТЕКСТ
 Мотив	
 Переживание события	
 Коммуникативное событие	

Рис. 2. Внутреннее программирование дискурсивного порождения текста

Fig. 2. Internal programming of the discursive generation of text

схемы, и в форме индивидуального речевого замысла. Мы не нанизываем слова, не идём от слова к слову, а как бы заполняем нужными словами целое» [5, с. 266].

Ментальные слова соотносимы с концептами, поскольку порождаются двуединым (интеллектуально-эмоциональным) восприятием конструктивных объектов коммуникативного события. Их ещё называют подобием и образом тех предметов, на которые направлена познавательная деятельность. В процессе внутреннего программирования переживания воспринимаемого коммуникативного события порождают импульсы номинации ментальных слов. Затем с помощью семантических падежей фрейма смысловые сочетания выстраиваются в линейные схемы порождаемых высказываний. На основе концепции Московской психолингвистической школы составлена схема «от мотива — к тексту» (рис. 3).

С точки зрения когнитивной лингвистики, фрейм рассматривается как структура представления информации в единстве познавательных и речевых актов, предопределяющих дискурсивную деятельность коммуниканта. Знания о коммуникативной ситуации фиксируются на двух уровнях: верхнем и нижнем. На верхнем уровне содержатся общие, закреплённые традиционной культурой конвенциональные признаки стандартного коммуникативного события.

На нижнем же уровне фиксируются его ситуативные характеристики, воспринимаемые и интерпретируемые коммуникантом в момент переживания конкретного события и возникновения личностных речевых интенций. Размышляя над тайной ситуативного возникновения намерений создать художественное речевое произведение, К. Г. Паустовский сравнивает замысел, возникающий в его сознании, с молнией. «Замысел, так же как молния, возникает в сознании человека, насыщенном мыслями, чувствами и замет-

ками памяти. Накапливается всё это исподволь, медленно, пока не доходит до той степени напряжения, которое требует неизбежного разряда. Тогда весь этот сжатый и еще несколько хаотический мир рождает молнию — замысел» [К. Паустовский, «Золотая роза»].

Замысел рождается в результате накопления впечатлений, но они нуждаются в речевом выражении по мере их интеллектуально-эмоционального обогащения. Однако накопленный материал нередко вербализуется от незначительного толчка. Лев Толстой, как он сам вспоминает в самом начале повести «Хаджи-Мурат», увидел сломанный репейник. «Экая энергия! — подумал я. — Все победил человек, миллионы трав уничтожил, а этот всё не сдаётся». «И мне вспомнилась одна давнишняя кавказская история, часть которой я видел, часть слышал от очевидцев, а часть вообразил себе». И этот образ сломанного репейника оказался тем лирическим толчком, от которого «вспыхнула молния: появился замысел удивительной повести. Вместе с тем художник слова должен быть внутренне готовым к реализации замысла. Толстой, как известно, лично участвовал в Кавказской войне, на которой много слышал о Хаджи-Мурате. У К. Г. Паустовского замысел уподобляется молнии, разряд которой происходит от переизбытка впечатлений. В случае у Толстого рождению замысла, чтобы воспроизвести накопленный материал и впечатления в художественном слове, послужил ничтожный толчок, стимулировавший писателя к созданию речевого произведения.

Итак, авторский замысел появляется на основе жизненного опыта и лишь затем толчком к превращению замысла во фреймовую структуру текста через эмоциональное переживание воспринимаемого коммуникативно значимого события к артикуле — моторной схеме буквенно-звуковой реализации авторских интенций.

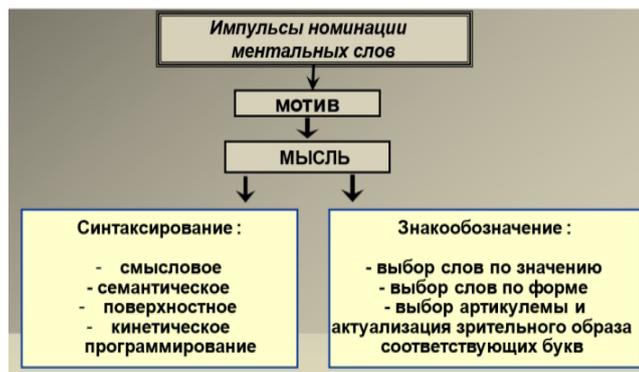

Рис 3. От мотива – к тексту

Fig. 2. From motive to text

Заключение

Таким образом, следует отметить, что онтологический статус дискурса как скрытой речемыслительной категории, являясь языковым, речевым и жанровым, в то же время находится в речемыслительном регистре коммуниканта. Именно такие составляющие, как мыслекодовые акты, дискурсивная матрица и внутренняя речь, опирающаяся на ментальный лексикон и внутренние слова, и обеспечивают текстопорождающий потенциал дискурса.

Идеи когнитивной лингвопоэтики в текстопорождении понятий «вербальная память» и «внутреннее слово» проецируют реализацию того, что ментальное слово коррелирует со свойствами и признаками реалий коммуникативного собы-

тия. При установлении коммуникантом коррелиций ментального слова и денотата в его кратковременной памяти активизируются внутренние слова, доступные для мысленного моделирования соответствующего коммуникативного события и подбора нужного для реализации замысла звукового образа. В долговременной семиотической памяти актуализируются и эксплицируются мысли и переживаемые эмоции автора. Внутреннее программирование в процессе текстопорождения порождает в ментальном лексиконе коммуниканта его ономаσιологические импульсы, которые с помощью семантических падежей переводят смысловое сочетание внутренних слов в линейные схемы порождаемых высказываний.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Речемыслительная синергия дискурса. М.: Флинта. 2023. 184 с.
2. Алефиренко Н. Ф., Нуртазина М. Б., Стебунова К. К. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и лит. 2021. Т. 18. № 2. С. 313–338.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия». 1990. С. 136–137.
4. Ахманова О. С. Терминология лингвистическая. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия». 1990. С. 509 с.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1979. 423 с.
6. Будагов Р. А. Человек и его язык. М.: Изд-во: Москов. Университета. 1974. 262 с.
7. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на мат. русской прозы XIX–XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС. 2006. 328 с.
8. Русакова О. Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Антиномии: Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2007. Вып. 7. С. 5–34.
9. Казыдуб Н. Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель): автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: Промедиа, 2006. 34 с.
10. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры. 2001. 864 с.
11. Ревзина О. Г. Память и язык // Критика и семиотика. Выпуск 10. Новосибирск, 2006. С. 10–24.
12. Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1999. № 1. С. 25–33.
13. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. ст./ под ред. Ю.С. Степанова. М.: РГГУ. 1995. С. 35–73.
14. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур. 2010. 910 с.
15. Тарасов Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука. 2000. 186 с.
16. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение». 1969. 214 с.
17. Ахутина Т. В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во Московского университета. 1989. 216 с.
18. Цветкова Л. С. Мозг и интеллект: нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. М.: Просвещение. 1995. 304 с.
19. Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: Социоллингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: ЛЕНАНД. 2021. 208 с.
20. Sinclair J. & Coulthard M. Towards an analysis of discourse // Coulthard, M. (Ed). Advances in spoken discourse analysis. London: Routledge. 1992. P. 1–34.
21. Fairclough N. Media discourse. London: Edward Arnold. 1995. 215 p.

22. Dijk T. A. van. Discourse and knowledge / James Paul Gee & Michael Handford (Eds.), Handbook of Discourse Analysis. London: Routledge, 2012. Pp. 587–603.
23. Losada Luis de. Cursus philosophici regalis collegii salmanticensis Societatis Iesu in tres partes divisi: Prima pars, continens Logicam, seu Philosophiam rationalem. Ex typ. Francisci Garcia ab Honorato et San Miguel, 1724 (оцифровано: 9 июля 2009). 521 p.
24. Brown G. & Yule G. Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 288 p.
25. Nunan D. Introducing Discourse Analysis. London: Penguin English, 1993. 134 p.
26. Chafe W. Beyond Beads on String and Branches in a Tree // Conceptual Structure, Discourse and Language. Stanford, 1996. Pp. 49–66.
27. Halliday M. A. K. Language as social semiotic // J. J. Webster (ed.) Language and Society. Volume 10 in the Collected Works of M. A. K. Halliday. London and New York: Continuum, 2007. Pp. 169–201.

References

1. Alefirenko NF. Rechemyslitel'naya sinergiya diskursa. M.: Flinta, 2023. 184 p. (in Russ.).
2. Alefirenko NF, Nurtazina MB, Stebunova KK. V poiskakh kognitivno-lingvisticheskoy metodologii ucheniya o diskurse = In search of cognitive and linguistic methodology for discourse studies. *Bulletin of St.-Petersburg University. Yazyk i literatura = Language and Literature*. 2021;18(2):313-338. (in Russ.).
3. Arutyunova ND. Discourse. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' = Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow. 1990. Pp.136–137. (in Russ.).
4. Ahmanova OS. Terminologiya lingvisticheskaya = Terminology of linguistics. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' = Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow. 1990. P. 509. (in Russ.).
5. Bakhtin MM. Estetika slovesnogo tvorchestva = The aesthetics of verbal creativity. Moscow, 1979. 423 p. (in Russ.).
6. Budagov RA. Chelovek i ego yazyk = Man and his language. Moscow, 1974. 262 p. (in Russ.).
7. Dymarskiy MYa. Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst (na materiale russkoy prozy XIX-XX vv.). 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, 2006. 328 p. (in Russ.).
8. Rusakova OF. Osnovnye teoretiko-metodologicheskie podkhody k interpretatsii diskursa = Main theoretical and methodological approaches to discourse interpretation. *Antinomii = Antinomies: scientific yearbook of the institute of philosophy and law at Ural RB of RAS*. 2007;(7):5-34. (in Russ.).
9. Kazhdub NN. Diskursivnoe prostranstvo kak fragment yazykovoy kartiny mira (teoreticheskaya model') = Discursive space as a fragment of the linguistic picture of the world (theoretical model): abstr. dis. ... Dr. Sci. (Philology). Moscow, 2006. 34 p. (in Russ.).
10. Katsnel'son SD. Kategorii yazyka i myshleniya. Iz nauchnogo naslediya = Categories of language and thinking. From the scientific heritage. Moscow, 2001. 864 p. (in Russ.).
11. Revzina OG. Pamyat' i yazyk = Memory and language. *Kritika i semiotika = Criticism and Semiotics*. Novosibirsk, 2006;(10):10-24. (in Russ.).
12. Revzina OG. Yazyk i diskurs = Language and Discourse. *Vestnik MGU = Bulletin of Moscow State University*. Seriya 9. Filologiya. 1999;(1):25-33. (in Russ.).
13. Stepanov Yu S. Al'ternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsip prichinnosti = Alternative World, Discourse, Fact and the principle of Causality. *Yazyk i nauka konca XX veka = Language and Science of the end of XX century*. Ed. YuS. Stepanova. Moscow, 1995. Pp. 35-73. (in Russ.).
14. Zinchenko VP. Soznanie i tvorcheskiy akt = Consciousness and creative act. Moscow, 2010. 910 p. (in Russ.).
15. Tarasov EF. Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury = Language as a means of transmitting culture. Moscow, 2000. Pp.45-54. (in Russ.).
16. Leont'ev AA. Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost' = Language, speech, speech activity. Moscow, 1969. 214 p. (in Russ.).
17. Akhutina TV. Porozhdenie rechi: Neyrolingvisticheskiy analiz sintaksisa = Speech Generation: A Neuro-linguistic Analysis of Syntax. Moscow, 1989. 216 p. (in Russ.).
18. Tsvetkova LS. Mozg i intellekt: narushenie i vosstanovlenie intellektual'noy deyatel'nosti = Brain and intelligence: intellectual impairment and recovery. Moscow, 1995. 304 p. (in Russ.).
19. Chernyavskaya VE. Tekst i sotsial'nyy kontekst: Sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smyslopороzhdeniya = Text and social context: A sociolinguistic and discourse analysis of meaning-making. Moscow, 2021. 208 p. (in Russ.).

20. Sinclair J & Coulthard M. Towards an analysis of discourse. Coulthard, M. (Ed). Advances in spoken discourse analysis. London: Routledge. 1992. Pp. 1-34.
21. Fairclough N. Media discourse. London: Edward Arnold. 1995. 215 p.
22. Dijk TA van. Discourse and knowledge. James Paul Gee & Michael Handford (Eds.), Handbook of Discourse Analysis. London: Routledge, 2012. Pp. 587-603.
23. Losada Luis de. Cursus philosophici regalis collegii salmanticensis Societatis Iesu in tres partes divisi: Prima pars, continens Logicam, seu Philosophiam rationale. Ex typ. Francisci Garcia ab Honorato et San Miguel, 1724 (digitized: July 9, 2009). 521 p. (in Span.).
24. Brown G and Yule G. Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 288 p.
25. Nunan D. Introducing Discourse Analysis. London: Penguin English, 1993. 134 p.
26. Chafe W. Beyond Beads on String and Branches in a Tree. Conceptual Structure, Discourse and Language. Stanford, 1996. Pp. 49-66.
27. Halliday MAK. Language as social semiotic. JJ. Webster (ed.) Language and Society. Vol. 10 in the Collected Works of MAK. Halliday. London and New York: Continuum, 2007. Pp. 169-201.

Информация об авторе

Николай Федорович Алефиренко — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Information about the author

N. F. Alefirenko – Doctor of Philology Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024; одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 24.09.2024.

The article was submitted 25.05.2024; approved after reviewing 14.06.2024; accepted for publication 24.09.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.